

«Данте оказал огромное влияние на культуру, религию, историю
и искусство»

ДЭН БРАУН

ДАНТЕ

ЖИЗНЬ

«Оставь надежду всяк сюда
входящий»

«Следуй своей дорогой, и пусть
люди говорят, что угодно»

ИНФЕРНО ЧИСТИЛИЩЕ. РАЙ

Екатерина Мешаненкова

**Данте. Жизнь: Инферно.
Чистилище. Рай**

«Издательство АСТ»

2014

Мешаненкова Е. А.

Данте. Жизнь: Инферно. Чистилище. Рай / Е. А. Мешаненкова — «Издательство АСТ», 2014

Биография Данте Алигьери привлекла к себе особое внимание именно сейчас, после выхода скандальной книги Дэна Брауна «Инферно». Существует ли среди поэтов и философов личность более удивительная и загадочная, чем Данте Алигьери? Его гениальная «Божественная Комедия», вобравшая в себя тайны поэтики и геометрии, философии и космогонии, вот уже семьсот лет не дает покоя исследователям. Расшифровать спрятанные в ней символы и аллегории пытаются философы, математики, лингвисты, историки и просто любители тайн. Кто такая Беатриче – женщина или символ? Как Данте связан с тамплиерами и еретиками? Что за загадочные вопросы задают ему грешники в Аду? Что вообще такое «Божественная Комедия», и для чего, а главное для кого Данте зашифровал в ней столько загадок? Задайте правильный вопрос, и может быть именно вам великий флорентинец откроет свои тайны.

© Мешаненкова Е. А., 2014

© Издательство АСТ, 2014

Содержание

Вступление	6
Основные даты в жизни Данте	7
Юность	9
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Екатерина Мешаненкова
Данте. Жизнь: Инферно. Чистилище. Рай

© ООО «Издательство АСТ», 2013

* * *

Вступление

Существует ли среди поэтов и философов личность более удивительная и загадочная, чем Данте Алигьери?

Но загадочность его не такая, как, например, у Шекспира, вопросы и предположения вызывает не личность Данте – о его жизни как раз известно достаточно много, – а творчество. Ко времени создания величайшего труда своей жизни Данте был уже известен как поэт и философ, его произведения ценились знатоками поэзии и литературы, но все-таки он был всего лишь одним из многих талантливых писателей, которыми всегда славилась Италия.

А потом – прорыв. Гром с неба, эффект разорвавшейся бомбы – любой эпитет будет слишком бледным, чтобы достойно описать, какое впечатление произвело на читателей его последнее произведение.

Поэма «Комедия», едва закончив которую он скончался, не зря всего через несколько лет уже была переименована в «Божественную Комедию» и под таким именем навсегда осталась в истории. Ни в Средневековье, ни в эпоху Возрождения, ни в более поздние времена никто больше не сумел создать произведения, равного ей по грандиозности, выразительности и степени влияния на умы. Даже те, кто никогда не читал Данте, слышали про круги его Ада и знают, что самый глубокий из них предназначен для предателей.

«Божественную Комедию» невозможно забыть. Описание Ада пробирает до дрожи даже самых толстокожих людей. А достоверность ее такова, что даже скептически настроенный современный человек при прочтении начинает верить, что Данте на самом деле там был и видел все описываемое им собственными глазами.

Но загадка «Божественной Комедии» все же не в этом. Она скрыта под увлекательным повествованием и гениальными стихами, поэтому известна в основном специалистам – историкам, литературоведам, философам. Обычный читатель видит только стихи и сюжет, но в них зашифровано такое количество символов и аллегорий, что у специалистов голова идет кругом.

Каждый персонаж, каждая фраза «Божественной Комедии» имеют двойное, а то и тройное значение. Часть их расшифровывается довольно «легко» – достаточно лишь хорошо знать историю, теологию, философию, мифологию, а главное – жизнь и воззрения самого Данте. Но о большинстве идей и символов, спрятанных за рифмованными строфами, остается только догадываться и спорить, чем исследователи творчества Данте и занимаются вот уже почти семьсот лет.

Кто такая Беатриче – женщина или символ? Как Данте связан с тамплиерами и еретиками? Что за загадочные вопросы задают ему грешники в Аду? Что вообще такое «Божественная Комедия», для чего, а главное, для кого Данте зашифровал в ней столько загадок?

Задайте правильный вопрос, и, может быть, именно вам великий флорентинец откроет свои тайны.

Основные даты в жизни Данте

1265, вторая половина мая – Рождение Данте.

1277, 9 февраля – Обручение Данте с Джеммой Донати.

Ок. 1283 – Умирает отец Данте.

1285–1287 – Учится в Болонском университете.

1289, 11 июня – Участвует в сражении на Кампальдино, закончившемся победой флорентийцев.

1289, август – Участвует в осаде замка Капрону близ Пизы.

1290, 8 июня – Смерть Беатриче Портинари, возлюбленной Данте.

1291 – Написана «Новая Жизнь».

1291–1292 – Женитьба на Джемме Донати.

1294, март – Данте в составе почетного рыцарского эскорта флорентийцев сопровождает от Съены до Флоренции номинального короля Венгрии Карла Мартелла.

1 ноября 1295 – 30 апреля 1296 – Заседает в Особом совещании при Капитане народа. Избирается одним из старейшин своей части города.

1296, май – сентябрь – Входит в Совет ста, ведающий финансовыми делами Флорентийской республики.

1297 – Член совета подеста.

90-е годы – Рождение сыновей Якопо и Пьетро, дочери Антонии.

1300, 15 июня – 15 августа – Избран одним из семи приоров Флоренции.

1301, июль – Направляется послом от белых гвельфов в Рим, к папе Бонифацию VIII.

1301, декабрь – Тайно возвращается во Флоренцию, находящуюся с ноября во власти черных гвельфов.

1302, начало января – Навсегда покидает Флоренцию.

1302, 27 января – Обнародован обвинительный акт против Данте.

1302, январь – осень – Данте живет в горных замках графов Гвиди.

1302, 10 марта – Новое решение суда черных гвельфов: если Данте вернется во Флоренцию, «то пусть его жгут огнем, пока не умрет».

1302, 8 июня – В Сан Годенцо вместе с 16 другими представителями белых подписывает договор о помощи между изгнанными из Флоренции белыми гвельфами и феодальной семьей Убальдини. Участвует в гражданской войне.

1303 – Уезжает из Тосканы для переговоров с гибеллинским правителем Вероны Бартоломео делла Скала о помощи белым гвельфам.

1303–1304 – Живет в Вероне, пишет трактаты «Пир» и «О народном красноречии».

1305–1306 – Странствует по городам и замкам северной Италии.

1306, лето – 1308 – Живет в Луниджане в замках маркизов Маласпина.

1308, 6 октября – По уполномочию семейства Маласпина заключает мирный договор с епископом и графом Луни Антониом Камулла.

1308 – Продолжает работать над «Народным красноречием», создает цикл стихов о Каменной Даме.

1308–1310 – Живет в Париже, преподает, слушает лекции в Сорбонне.

1310, 23 октября – Начало итальянского похода Генриха VII.

1311, январь – Данте приезжает в Милан на коронационные торжества. Обращается с посланием «К правителям и народам Италии».

1311, 31 марта – Пишет гневное послание соотечественникам.

1311, апрель – Посещает в Пизе дом флорентийского изгнанника Петрарки, где его видит семилетний Франческо Петрарка.

1311, 18 апреля – Призывает Генриха VII направиться в Тоскану.

1311, апрель – май – Составляет три письма императрице Маргарите от имени графини Баттифолле.

1312 – Заканчивает политический трактат «Монархия».

1313, 24 августа – Внезапная кончина Генриха VII в местечке Буонконвенто.

1313, сентябрь – Данте уединяется в горном монастыре бенедиктинцев Санта Кроче а Фонте Авелано, где пишет первую часть «Комедии».

1314, июнь – Обращается с письмом к итальянским кардиналам.

1314, октябрь – ноябрь – Покидает монастырь.

1315 – Живет в Лукке, заканчивает «Ад». Отказывается от возвращения на родину на условиях декрета об амнистии изгнанникам.

1316–1317 – Живет в Вероне у Кан Гранде делла Скала; пишет «Чистилище».

1317 – Появление полных рукописных списков «Ада».

1318 – Поселяется в Равенне, в доме, подаренном правителем города Гвидо да Полента. Дописывает последние песни «Чистилища».

1319–1321 – Работает над последней частью «Комедии» – «Раем»; обменивается стихотворными посланиями на латинском языке с болонским профессором Джованни дель Вирджилио.

1321, лето – Данте отправляется в Венецию послом Гвидо да Полента для предотвращения войны между Светлейшей республикой и Равенной.

1321, осень – После возвращения заболевает лихорадкой.

14 сентября – Данте скончался.

Юность

На полпути земного бытия,
Утратив след, вступил я в лес дремучий.
Он высился, столь грозный и могучий,
Что описать его не в силах я
И при одном о нем воспоминанье
Я чувствую душою содроганье.
Ужаснее лишь смерть бывает нам;
Но, ради благ, найденных мною там, –
Скажу про все, увиденное мною.
Не знаю сам, как сбивчивой тропой
Я в этот лес таинственный вступил:
Глубоким сном я вдруг охвачен был.
Когда же я приблизился к холму,
Служившему границей той долине,
Где я блуждал в тревоге и кручине, –
Увидел я, как, разгоняя тьму,
Луч солнечный забрезжил на вершине,
И легче стало сердцу моему...

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Во второй половине мая 1265 года во Флоренции у гвельфа Алигьеро Алигьери и его супруги госпожи Беллы родился сын Данте, которому суждено было стать величайшим поэтом Италии.

Семья Алигьери, по преданию, происходила от римского рода Элизеев, участвовавших в основании Флоренции. В середине XII века прапрадед Данте, Каччагвида, сопровождал императора Конрада III в походы на сарацин и был посвящен им в рыцари. Данте искренне восхищался прапрадедом и в шестнадцатой песне «Рая» даже назвал Каччагвиду, павшего в битве с мусульманами, «отцом», при этом ни разу не упомянув имени своего собственного отца Алигьеро д'Алигьери.

Сама их фамилия – Алигьери – пошла с того же Каччагвиды, который был женат на даме из знатной ломбардской семьи Альдигьери да Фонтана. Во Флоренции «Альдигьери» превратилось в «Аллигьери», а затем и в «Алигьери». Это имя стало фамильным – им назван был один из сыновей Каччагвиды, сыном которого был дед Данте Беллинчоне, а внуком – отец Данте, Алигьеро.

Великий поэт многое унаследовал от своих предков – он был не менее воинственен, чем его прапрадед, а политической страстностью и непримиримостью пошел в деда Беллинчоне, фанатичного гвельфа, не раз изгоняемого из Флоренции, но потом вновь возвращавшегося, чтобы продолжить борьбу за то, во что он верил. Беллинчоне досконально знал «трудное искусство возвращаться во Флоренцию», которое его великому внуку изучить так и не удалось. Даже дома Данте, когда-то находившегося в юго-восточной части города Сан Пьер Маджоре, в приходе Сан Мартино дель Весково, больше не существует, потому что по флорентийскому обычаю он был разрушен после его изгнания. Небольшая башня в четыре этажа и несколько двухэтажных домов, связанных между собой навесами и балконами, которые показывают туристам как «дом Данте» – всего лишь реконструкция XIX века.

Чтобы понять, в чем причина подобной непримиримости, необходимо сделать небольшой экскурс в историю Флоренции. Основан этот прекрасный город, и поныне являющийся жемчужиной Италии, еще древними римлянами. Удобное географическое положение и крепкие стены помогли ему быстро стать значимым торговым городом. А когда после крестовых походов оживились торговые связи между Европой и Азией, флорентийские купцы и ремесленники сумели использовать преимущества своего выгодного расположения и превратить Флоренцию в богатое и могущественное государство. К тому же река Арно, на которой стоял город, была в те времена достаточно полноводной и глубокой, чтобы корабли флорентийцев могли спускаться по реке к самому морю.

На единственном мосту через Арно, широком и крепком, предназначенном для тяжелой поступи легионов, в незапамятные времена появилась грубо высеченная конная статуя с мечом в руках. Средневековые горожане называли ее Марсом, по имени языческого бога войны и планеты, под знаком которой возник город. В эпоху варварских нашествий отряды Тотилы разрушили Флоренцию и всадника сбросили в реку. При Карле Великом, когда город начал заново отстраиваться, каменного стража Старого моста вытащили из воды. Не только суеверные простолюдины, но и образованные флорентийцы, как Данте и его наставник Брунетто Латини, верили в дурное влияние первого языческого патрона города. Братоубийственные побоища в стенах Флоренции объясняли влиянием Марса. Это она, красная планета, возбуждала гражданские распри и войны, вызывала бури и мятежи. Ее кровавым цветом окрасился даже герб республики: белая лилия стала алой.

Характернейшей особенностью пейзажа средневековой Флоренции было великое множество башен разной вышины и размеров, обрамленных зубцами, с узкими щелями бойниц. Их островерхие макушки видны были путникам задолго до того, как они приближались к городским стенам. Если в античные времена над укреплениями высились всего четыре сторожевые башни, по одной в каждой четверти города, то в годы жизни Данте число их превышало полторы сотни. Башни росли над домами и кварталами, где жили феодалы, добровольно обосновавшиеся в городе или же переселенные в него силой. Воздвигались башни и объединениями горожан-пополанов для защиты от внутренних врагов. Когда в XIII веке горожане вошли в силу, они разрушили надменно устремившиеся в небо высотные постройки феодалов. Снесенные верхушки у башен грандов знаменовали победу коммуны внутри города, так же как скрытые замки во флорентийской округе свидетельствовали о торжестве города-государства Флоренции над феодалами своего контадо.

В XII и XIII веках флорентийцы приступили к строительству мостов, чтобы соединить старый город с противоположным южным берегом реки, где возникли новые поселения, главным образом бедного люда. Самое восточное предместье за Арно долгое время оставалось поселком лачуг и трущоб. В XIII веке там выстроили свои монастыри недавно учрежденные ордена нищенствующих монахов: францисканцев и доминиканцев.

Флоренция стремительно росла, богатела и, конечно, привлекала все больше людей. Вскоре старые римские стены стали для нее слишком тесными, и в 1172 году пришлось обнести город второй стеной, защитившей еще и пригороды на западе и на востоке. Теперь путь к Флоренции с одной стороны преграждала вода – выше Старого моста в Арно вливалась небольшая речка Муньоне, один из рукавов которой подходил к старой стене, а с остальных сторон подступы к новым стенам оберегали глубокие рвы. Но скоро и в этих границах городу тоже

стало тесно: в начале XIII века население Флоренции составляло десять тысяч жителей, а к середине XIV века – уже не менее девяноста. Во всей Европе только три города превосходили ее по размеру: Кордова, Палермо и Париж. Неудивительно, что руководство города решило построить третий пояс стен.

Как повсюду в Европе, крепнущие тосканские города медленно и упорно отвоевывали у епископов права на самоуправление. Они привлекали к себе поселенцев тем, что давали свободу от феодального угнетения крестьянам, бродягам, странствующим купцам и прочему неприкаянному люду.

В XII веке не Флоренция, а Лукка была столицей обширного Тосканского графства. Его владелица, бездетная маркграфиня Матильда, завещала свой феод папе. Но римские первосвященники оказались не в состоянии реализовать права, полученные по завещанию, и одолеть нараставшие центробежные силы богатевших городов и вассальных феодалов. Образовавшиеся на территории Тосканы города-государства, республики и тирании, медленно поглощали окружающие их феодальные владения и создавали собственные правительства. Лукка, Сьена, Пиза уже в XII веке имели вполне выраженное самоуправление, Флоренция – только в XIII.

Недолго продолжалась во Флоренции власть всенародного вече, которое созывалось звуками колокола на площадь и решало важнейшие дела города. Выделившаяся из самых богатых горожан верхушка – патрициат – постепенно забрала бразды правления в свои руки. Власть перешла к консулам и к Совету ста, составленному из «лучших людей» города. В это время бывшие вассалы маркграфини Матильды, почувствовав независимость и безнаказанность, разбойничали на больших дорогах и нападали на торговые караваны. Среди них были семьи, которые в недалеком будущем сыграют очень большую роль в истории города, как, например, графы Гвиди, графы Альберти, Буондельмонти, Уберти, Фрескобальди, Донати, делла Белла. Флоренция, воюя с ними, смирила гордых феодалов и заставила их переехать в город, где они должны были жить по крайней мере четыре месяца в году. Те же, кто не подчинился коммуне, жестоко расплачивались за свою строптивость: Флоренция разрушала их замки, а земли конфисковывала и присоединяла к своим владениям. Не удалось справиться только с мощными феодалами, гнездившимися в горных долинах Апеннин.

Таким образом, в течение нескольких десятилетий город завладел всем Флорентийским графством, которое стало территорией Флорентийской республики. Флоренция подчинила своей власти или своему влиянию также небольшие соседние городки Фьезоле и Сан Джеминьяно, и даже Пистойю, сохранившую, впрочем, некоторую независимость.

Желая ослабить феодалов своего контадо, а также обеспечить потребности растущей промышленности в дешевой рабочей силе, а население города в продовольствии, коммуна приступила к освобождению крестьян на территории республики. В постоянном притоке рабочих нуждалось прежде всего флорентийское сукноделие. Берега Арно и ее притоков покрылись мастерскими по переработке шерсти. Флорентийские сукна, сперва неокрашенные, затем окрашенные, самой тонкой выделки, наводнили рынки Италии и Европы. Ловкие купцы немало наживались и на торговле изделиями искусных флорентийских ювелиров, оружейников, ткачей. Но не только своей торговлей и ремеслами богателя Флоренция.

Флорентийцы прославились по всей Европе как банкиры, заимодавцы, ростовщики. Их можно было встретить у подножия трона святого отца, папы, во Фландрии, в Испании и на Британских островах. Папа Бонифаций VIII как-то весьма ядовито заметил о вездесущих флорентийцах, всюду проникающих и всюду торгующих, оказывающих влияние на королей и сильных мира сего, что не четыре, а пять элементов существует на свете: вода, земля, воздух, огонь и флорентийцы.

Первоначальное финансовое благополучие флорентийцев родилось из торговли, но богатство, ставшее в XIII веке предметом неутолимой зависти соседей, было создано другим, менее почетным способом. Бонифаций VIII не зря отзывался о них с такой неприязнью – флорентийцы считались безжалостными ростовщиками. Они кредитовали феодалов и епископов, охотно давали столько, сколько у них просили, под залог недвижимости или драгоценностей и никогда не возмущались, если должник не мог вернуть деньги в срок. Долговое обязательство можно было с легкостью продлить еще на несколько месяцев – за огромные проценты, разумеется. Ну а когда становилось ясно, что должнику точно не удастся расплатиться, флорентийские ростовщики забирали залог, увеличивая этим собственное благосостояние.

Впрочем, в самой Флоренции далеко не все относились к такому способу обогащения с уважением. Данте, например, ненавидел его от всей души и в своей великой поэме сделал его одним из самых ужасных и наиболее строго наказуемых пороков. А самых могущественных флорентийских магнатов-ростовщиков изобразил в семнадцатой песне «Ада» в образе шелудивых, покрытых грязной коростой тварей. А чтобы ни у кого не было сомнений в том, кто это, он обозначил каждого фамильным гербом: лазоревый лев на желтом поле указывал на принадлежность к роду Джанфилацци, а белый гусь на красном поле – к семье банкиров Убриакки.

Я подошел к толпе людей сидящей.
 Страдания светились в их очах,
 И, от жары спасаяся палящей,
 Они лицо старались защищать.
 Так точно псы, когда среди засухи
 Со всех сторон их облепляют мухи,
 Пытаются их лапой отгонять.
 Я заглянул в их лица, но не встретил
 Ни одного знакомого лица,
 Зато на шее каждого заметил
 Я кошелек, которым без конца
 Восторженно их взоры любовались.
 И меж собой по виду различались
 Те кошельки. Один лазурным львом
 Украшен был, на кошельке другом
 Увидел я изображение гуся,
 Что белизной был сходен с молоком.
 Исчислить всех там бывших не беруся.
 Один из них – кошелек его гербом
 Украшен был свиньей голубою –
 Вскричал, меня увидев пред собою:
 – «Прочь, дерзкий, прочь из ямы роковой!
 Что делаешь среди чужого стана?
 Я вижу, ты не мертвый, но живой,
 Так уступи же место Витальяно –

Здесь одесную сядет он со мной.
Явился я из Падуи родной,
Но и в Аду не нахожу покоя
От жителей Флоренции себе.
Они кричат: «Имеющий в гербе
Три клюва злых, ты, образец героя,
Яви у нас твой величавый лик!»
И, молвив так, он высунул язык,
Как делает, облизываясь, бык.

«Божественная Комедия».
Перевод Ольги Чюминой.

В середине XIII века, когда родился Данте, Флоренция активно участвовала в раздиравшей большинство итальянских государств борьбе гвельфов и гибеллинов. О происхождении этих политических группировок и начале их распри есть немало легенд и даже анекдотов. Длилось их противостояние несколько веков, но по сути все сводилось к борьбе между папой и императорами Священной Римской империи, пытавшимися поделить господство на Апеннинском полуострове. Гвельфы выступали за ограничение власти императора и усиление влияния папы, свое прозвище они получили от Вельфов, герцогов Баварии и Саксонии. Сторонники императора, гибеллины, именовались по латинизированному названию одного из замков династии южногерманских королей и императоров Священной Римской империи Штауфенов – Гаубелинг.

По сути, причиной таких долгих и бурных распрей было то, что многие итальянские города-коммуны не желали быть подвластны императорам Священной Римской империи, в состав которой входила Италия, предпочитая более выгодный для них протекторат папы. К тому же император был далеко, а папа близко, и ссориться с ним было крайне нежелательно. Поэтому итальянские города нередко признавали власть французских королей и принцев, которых им рекомендовал папа, вызывая этим гнев императора. Флоренция, например, очень дорожила своими торговыми связями с Францией, да и отлучение от церкви, которое папа мог наложить на город, нанесло бы страшный удар ее торговле и промышленности. Такая политика была не всегда разумной и дальновидной, но главы Флоренции и других городов заботились о собственных интересах и нисколько не стремились к объединению Италии.

Первоначально купечество в основном причисляло себя к гвельфам, а феодалы и городской патрициат относился к гибеллинам. Но уже к середине XIII века юг Италии попал под власть династии Анжу и почти полностью стал гвельфским, а многие города, которые не слишком нуждались в покровительстве папы (например, главный конкурент Флоренции – Пиза), превратились в оплот гибеллинов. Приверженцы набиравших популярность еретических движений также поддерживали гибеллинов, потому что видели в императоре единственную силу, способную защитить их от папского гнева.

Еще до рождения Данте, 4 сентября 1260 года, произошла битва при МонтAPERти, во многом определившая флорентийскую историю и повлиявшая на жизненный путь будущего поэта. Гибеллины во главе с королем Манфредом, сыном императора Фридриха II, разбили флорентийскую армию. Хроники тех времен повествуют, что изменник Бокка дельи Абати отрубил руку знаменосца Якопо де Пацци, чем вызвал замешательство среди гвельфов – увидев, что знамя города упало, флорентийцы дрогнули и обратились в бегство.

Образы страшной битвы при реке Арбии («истребленья, окрасившего Арбию в багрец»), память о которой была свежа во Флоренции в годы детства и отрочества Данте, населили воображение великого поэта и первую кантику его «Комедии». В самых глубоких безднах ада, где казнятся предатели родины

и своей партии, медленно продвигаясь по вечному льду, Данте нечаянно задевает ногой какую-то вмерзшую по шею человеческую голову. «Ты что дерешься? – вскрикнул дух, стеная. – Ведь не пришел же ты меня толкнуть, за Монтаперти лишний раз отмщая». На вечные муки в ледяной могиле поэт осудил изменника своего родного города – дельи Абати.

Упоенные победой на Монтаперти гибеллинские вожди, чтоб ее закрепить, решили снести с лица земли неприятельскую Флоренцию и изгнать ее жителей. Намерению разрушить родной город воспротивился флорентиец Фарината дельи Уберти. Личность этого предводителя гибеллинов производила сильное впечатление на современников. По описанию хроники Филиппо Виллани, Фарината был высокого роста, лицо его было мужественно, руки и ноги сильны, облик величествен. Он обладал ловкостью военного, речи его звучали складно, советы удивляли быстротой и проницательностью. Он был смел, решителен и опытен в делах войны. Как писал позднее Бенвенуто д'Имола, один из первых комментаторов «Божественной Комедии», Фарината был последователем Эпикура и не верил в загробную жизнь. Он считал, что вся деятельность человека должна быть направлена на усовершенствование земной жизни. Церковь боялась этих идей: в 1283 году инквизиция посмертно осудила Фаринату и его жену как еретиков, но Данте обессмертил его в стихах десятой песни «Ада».

После победы при Монтаперти Флоренцию возглавили гибеллины, но их владычество оказалось недолгим. Папа наложил отлучение на город, что вызвало волнения в народе и недовольство финансовых магнатов, чьи торговые дела от этого сильно страдали. В 1266 году, уже после рождения Данте, король Манфред погиб в сражении при Беневенте, и власть перешла в руки сторонников папы во главе с принцем Карлом Анжуйским, занявшим с помощью папы престол Неаполитанского королевства. Изгнанные несколько лет назад из Флоренции гвельфские вожаки вернулись и начали мстить гибеллинам. Однако поражение и почти уничтожение гибеллинской партии не принесло мира Флоренции – вспыхнули кровавые распри между лидерами гвельфов, а старая феодальная знать грызлась с новыми дворянами, недавно купившими титул.

Семья Алигьери была гвельфской, и это определило всю дальнейшую жизнь Данте. Во Флоренции почти каждый человек с рождения уже принадлежал к одной из враждующих партий. И конечно, внук Беллинчоне не мог находиться в стороне от политики. Правда, Алигьеро, отец Данте, видимо, старался держаться от нее подальше – ему даже не пришлось покидать Флоренцию в период владычества гибеллинов. Он был мирным юристом, не гнушавшимся ростовщичеством, как и большинство его состоятельных соотечественников, и владел немалым количеством земель и домов во Флоренции и ее окрестностях. Мать Данте, госпожа Белла, умерла, когда он был еще совсем маленьким, и его отец женился снова, на госпоже Лапе Чалуффи. От этого брака родилось трое детей – две девочки и мальчик по имени Франческо, с которым Данте был очень дружен. Алигьеро Алигьери умер около 1283 года, оставив восемнадцатилетнего старшего сына главой семьи.

На него легла забота о двух сестрах. Одну из них звали Тана (Гаэтана), другая, чье имя нам неизвестно, вышла замуж за Леоне ди Поджо, герольда флорентийской коммуны. Племянник Данте, Андреа ди Поджо, очень походил внешним обликом (но не одаренностью и умом) на своего знаменитого дядю. С Андреа был знаком Боккаччо, получивший от него, как можно предполагать, сведения о семье Алигьери. В декабре 1297 года младший брат Данте считался юридически совершеннолетним, то есть ему было не менее 18 лет. Этим

числом помечена подписанная им долговая расписка Якопо деи Корбицци, у которого братья взяли займы порядочную по тем временам сумму денег – 480 золотых флоринов...

Можно предположить, что прежде чем отправиться в Болонью для изучения высших наук, Данте окончил в родном городе те школы, которые обычно посещали дети из состоятельных семейств. Из хроники Джованни Виллани мы знаем, что уже в начале XIII века во Флоренции было много учителей; преподавали ли они только в школах при церквях, или же существовали большие школы при монастырях или отдельно, неизвестно. При жизни Данте чтению и письму во Флоренции обучалось около десяти тысяч детей. Меньше было изучающих потом счет на арабский манер, то есть с арабскими цифрами (абака). Группа математических наук преподавалась в школах, посещаемых примерно тысячей учеников; это были преимущественно мальчики, которых предназначали для купеческой деятельности. Всего пятьсот или шестьсот учеников училось в школе высшей ступени, где изучали латынь или грамматику, основу всякой образованности, а также начала риторики и диалектики. Девушки обыкновенно кончали свое образование первой ступенью и одолевали лишь чтение; письму обучали только девиц благородного происхождения или из очень богатых купеческих домов, либо тех, которые собирались поступить в монастырь. Данте, несомненно, прошел через все ступени средневековой городской школы, хотя латинский язык его и после занятий у флорентийских грамотеев был далек от совершенства.

В соборе Санта Мария Новелла внимание юного Данте привлекали аллегорические изображения наук Андреа ди Буонайуто. Художник изобразил на фреске прекрасную даму Грамматику, приглашающую мальчиков и девочек пройти сквозь узкие ворота, ведущие к знанию. У ног аллегорического существа знаменитый грамматик Присциан записывал правила своей науки. Наверху белел диск Луны – символа грамматических познаний. Над одетой в алое платье Риторикой и поклоняющимся ей Цицероном парила Венера. Риторика включала в себя в это время также поэтику, и Цицерон, как ритор, почитался учителем всех, кто слагал стихи. Науки красноречия и поэтики зависели от Венеры, излучающей свет в сердца поэтов и ораторов. Третья наука, Диалектика, строгого вида женщина в белоснежных одеяниях, находилась под покровительством Меркурия и величайшего из философов Аристотеля. Данте с раннего детства сохранил в своем сердце глубокое преклонение перед этими величественными загадочными дамами. Аллегорические образы флорентийского живописца привели Данте к параллелям между небесными светилами и науками, которые он потом так подробно развернул в «Пире».

Данте мог продолжить свое образование во Флоренции лишь частным образом. В это время многие одаренные юноши обращались за советами и наставлениями к писателю и юристу Брунетто Латини. По всей вероятности, старый сэр Брунетто не преподавал регулярно, но вокруг него собрался кружок молодежи, жаждущей познания, в том числе Гвидо Кавальканти и Данте. Джованни Виллани в своей «Хронике» называл Брунетто Латини великим философом и магистром риторики, смягчившим грубые нравы Флоренции. Про самого себя Латини говорил, что он «человек светский». Так отзывался о нем и Виллани...

Сэр Брунетто стяжал славу не только опытного политика и государственного деятеля, но и отличного писателя. Его энциклопедическое сочинение «Сокровище» читалось еще не менее двух веков после смерти автора.

Первостепенно важно его влияние на Данте, который, вероятно, при его посредстве ознакомился в юности с этикой Аристотеля, с риторикой Цицерона и поэтикой Горация – еще до своих поездок в Болонью и Париж.

В энциклопедии Брунетто Латини, несмотря на то, что в ней много заимствовано из других средневековых сочинений этого же типа, чувствуется большая любовь к знанию и интерес к наукам его времени, стремление расширить представление о мире. Сэр Брунетто хотел просветить людей, не знающих латинского языка, всеохватывающим сочинением, где даются сведения о всех науках. Его примеру последует его ученик Данте, который напишет уже в изгнании трактат «Пир». Знанием французской литературы Данте также в значительной степени обязан своему наставнику; главный труд всей своей жизни Латини написал по-французски. В пору юности Данте французский язык и французские романы были широко распространены по всей Италии, особенно во Флоренции.

В сочинениях Брунетто Латини все время подчеркивается, что все науки зависят от политики. Наиболее высокое и благородное знание, по его мнению, искусство управлять государством. В книгах Брунетто много рассуждений о политике. Мироощущение его прежде всего юридическое. Он говорит о государстве, построенном на нерушимых законах, обязательных для всех. Вероятно, Брунетто познакомил Данте с Никомахейской этикой Аристотеля и привил ему глубокую любовь к этому сочинению.

Латини любил цитировать античных писателей, особенно Цицерона, Аристотеля и Вергилия. В окружении Латини начал составляться круг чтения Данте, определивший во многом его будущие идеи и пристрастия. В культурную жизнь Италии Брунетто внес новые начала. Суждения магистра о земной славе, благодаря которой писатель живет как бы вторично, напоминают высказывания гуманистов XIV–XV веков. «Слава не что иное, как добрая репутация, высокое мнение, которое создается о человеке и распространяется на многие страны... – писал он во второй книге „Сокровища“. – Каждый человек желает, чтобы о нем говорили хорошо, ибо без доброго мнения мы не были бы известны... Слава дарует мудрому человеку вторую жизнь». Эта ренессансная жажда славы, знамение новой культурной эпохи, станет свойственна Данте и следующим поколениям деятелей Возрождения.

В 1277 году, когда Данте было двенадцать лет, отец обручил его с шестилетней Джеммой Донати. В этом не было ничего необычного, в те времена большинство браков во Флоренции заключалось именно так – родители договаривались между собой, исходя из экономических или политических соображений, подписывали договор, проводили официальную церемонию обручения, а когда жених и невеста достигали совершеннолетия, играли свадьбу. После помолвки будущие супруги продолжали жить у родителей, поскольку готовыми к браку юноши считались после двадцати лет, а девушки – после семнадцати. Впрочем, иногда женились и позже, времена были беспокойные, и свадьбу могла отсрочить война или эпидемия. Но разорвать помолвку было практически невозможно – кроме большого штрафа за расторжение договора нарушителю грозила даже кровная месть.

Донати были соседями семьи Алигьери, но превосходили их знатностью и богатством. Они были настоящими феодалами, представителями старинной родовой знати, и не покупали

лись на приданое для своей дочери. Одно время у историков даже бытовало мнение, что брак Данте и Джеммы был неравным, но никакими документами или свидетельствами современников это не подтверждается – судя по всему, никто не считал, что Данте недостаточно богат и родовит для дочери Мането Донати.

Что касается его самого, то, по всей вероятности, он не слишком интересовался своим будущим браком, воспринимая его как неизбежную необходимость. Куда больше его мысли занимали науки и искусство.

Данте стоял перед башней Гаризендой недалеко от Порто Равеньяно в Болонье. По узкому переходу в Апеннинах, соединяющему Флоренцию с северной Италией, он добрался до столицы Романьи всего несколько дней назад. Данте сравнивал мысленно эту башню, сильно покосившуюся, с другой, высившейся рядом с городскими воротами, высокой и стройной, которую по имени ее строителя называли Азинелла.

Странное дело – если закрыть глаза и перестать смотреть на Гаризенду и скользящие над ее вершиной в пасмурный день облака, а затем открыть их, то кажется, что башня сейчас рухнет на тебя. Как все впервые посетившие Болонью, Данте заинтересовался этим феноменом. Ему представилось, что башня превращается в огромного гиганта, гигант наклоняется, хватает его и уносит за пределы города. Кто-то схватил Данте за рукав и спросил: «Данте, что ты видишь?» Образ гиганта исчез – рядом стоял и теребил его румяный мальчик, которому, казалось, никак не более пятнадцати лет. Это был один из студентов, с которым Данте познакомился. Он уже второй год учился в Болонье и потому смотрел на старшего годами Данте покровительственно. «Великана», – отвечал Данте. «Ты увидел великана, но посмотри, что ты проморгал». Юноша указал на прекрасную даму в богатых одеждах, которая удалялась от них. «Ты знаешь, – заметил он поучительно, – она из семьи Гаризенда. Вот Гаризенда, поистине достойная созерцания!» Данте усмехнулся, и у него в голове пронеслись две-три строчки для будущего сонета. «Слушай, Чино, ты прав, – сказал Данте, – ты прав, но я всегда вижу только то совершенно ясно, что далеко от меня». И они, смеясь, пошли по улицам Болоньи.

Данте очень полюбил общество веселого студента. Звали его Чино деи Сигибульди, был он родом из Пистойи, сравнительно небольшого городка, на который Флоренция постепенно накладывала руки. Чино, так же как и Данте, гордился тем, что отдаленные предки его были римляне. Семья Чино, довольно состоятельная, принадлежала по давней традиции к гвельфам. В аудитории, где студенты сидели на скамьях, а не на соломе, как в Париже, нельзя было найти более прилежного студента, чем Чино. Он все записывал, подчеркивал, сверял. Однажды после лекции знаменитого Аккурсио-младшего Данте спросил своего друга, кем он собирается быть – судьей или нотариусом. «Судьей, может быть, – ответил Чино, – но я учусь не для этого. Я хочу быть профессором права и читать лекции, как наш славный учитель». «Но это трудно, – заметил Данте, – и для этого потребуется много-много времени». «А зачем же я записался в университет?» – отвечал Чино.

В тетрадях с конспектами лекций, которые Данте брал у своего старательного друга, он как-то обнаружил множество стихов, большинство их было написано Гвидо Гвиницелли, славным болонским поэтом, но попадались и собственные стихи Чино. «Разве можно писать на полях важных юридических документов любовные сонеты?» – спросил с улыбкой Данте.

«Это прекрасный обычай Болоньи, – не смутившись, отвечал Чино. – Здесь все судьи и нотариусы любят поэзию и записывают стихи, особенно на полях завещаний, чтобы какой-нибудь урод не приписал что-либо сбоку, что нарушило бы права наследников».

Дружба Данте с Чино продолжалась много лет. Уже после того, как они оба покинули стены университета, их пути продолжали время от времени пересекаться. Конечно, Чино не стал таким великим поэтом, как его друг, но его легкие изящные стихи высоко ценились как простыми любителями поэзии, так и гениальной Петраркой. Впрочем, для него это все равно было всего лишь увлечением – Чино стал известным правоведом и преподавателем, одним из самых знаменитых докторов юридических наук в Италии. Он читал лекции в Сьене, Перудже, Неаполе, и некоторые из его учеников тоже стали знаменитыми юристами, а в родном городе ему даже воздвигли памятник.

Ну а Данте, судя по всему, серьезно увлекся поэзией именно в Болонье. До нас дошли его сонеты, полушутливая переписка с друзьями и, конечно, его первая любовная лирика.

Вовек не искупить своей вины
Моим глазам: настолько низко пали
Они, что Гаризендой пленены,
Откуда взор охватывает дали,
Проспали (мне такие не нужны!)
Ту самую, которая едва ли
Не краше всех, и знать они должны,
Что сами путь погибельный избрали.
А подвело мои глаза чутье,
Которое настолько притупилось,
Что не сказало им, куда глядеть.
И принято решение мое:
Коль скоро не сменю я гнев на милость,
Я их убью, чтоб не глумили впредь.

Перевод Е. М. Солоновича

Данте нравилась Болонья – она была похожа и не похожа на его родную Флоренцию. Вроде бы и архитектура схожа, а видно, что это другой город, вроде бы и людей на улицах так же много, а все равно они не такие, как на его родине. Флоренция хоть и была торговым городом, но все равно на ее улицах никогда не было такого столпотворения людей разных национальностей и не звучало такого смешения языков.

В Болонью съезжались люди со всех концов Европы, и не только, как по торговым делам, так и в ее знаменитый университет. На улицах и в тавернах болтали на французском, немецком, английском, польском, чешском и многих других языках, не говоря уж обо всех итальянских наречиях и международной латыни, знакомой каждому образованному человеку того времени.

Жизнь в Болонье была веселой, как, впрочем, в любом студенческом городе в любые времена. Вино текло рекой, продажные красавицы манили на каждом шагу, и отовсюду лились студенческие песни, прославлявшие молодость, свободу, плотскую любовь и развеселую жизнь. Некоторых болонских сводников Данте потом собрал в первом каменном рву Злых Щелей своего «Ада».

В толпе страдалцев грешной
Я встретился с известным мне лицом
И с ним вдвоем оставлен был певцом.

Укрыться он пытался безуспешно.
Я произнес: – Зачем скрываешь лик
И взор очей ты опускаешь долу?
Венёдиго Каччанемйк,
За что тебя такой удел постиг?
Ответил он: – «Отрадно мне глаголу
Живущего внимать. Не утаю,
Что я склонил сестру мою Гизолу
Отдать во власть маркиза честь свою.
Различные об этом ходят толки,
Но не один явился я сюда
Из жителей Болоньи: словно волки
Они жадны, и каждый без труда
С охотою на все ответит: да! –
Способствуя стыду и беззаконью.
Их большинство покинуло Болонью
Для этих стен». Так изъяснялся он,
Но вдруг бичом был сзади поражен
И кинулся бежать, а демон-мститель
Кричал ему: – «Прочь, гнусный развратитель!
Здесь продавать не позволяют жен!»»

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Впрочем, Данте хорошо видел не только внешние пороки блистательной Болоньи. Еще глубже он поместил двух бывших студентов Болонского университета, принадлежавших к полусветскому монашескому ордену гаудентов. Одетые в свинцовые плащи лицемеров они бродят по кругу, среди таких же грешников, как они.

Он возразил: – «Наш блеск – не для красоты,
Мучительно нас давит гнет тяжелый,
И так же, как под тяжестью весы,
Трещит спина. Мы «братией веселой»
Звались в былом, и наши имена
Известны всем. Собрат мой – Лодеринго,
Я – Каталано. Вся твоя страна,
Где правили мы в эти времена,
Приписывает нам пожар Гардинго».

«Божественная Комедия».

Перевод Ольги Чюминой.

Но конечно, было бы неправильным говорить, что Данте испытывал к Болонье и университету какую-то особую неприязнь. Он бичевал пороки везде, где их видел, но это не мешало ему оценивать и достоинства. Болонский университет не зря был для города предметом гордости, он не только восстановил изучение римского права в Европе, но и стал тем центром, из которого по всем странам распространялось светское образование.

Изучение риторики, логики и других свободных наук стояло в Болонье также на большой высоте, но все эти подготовительные науки должны были помочь триумфу богини правосудия. С XII века, с тех пор как магистр Ирнерий

открыл болонскую студию, началось обновление римского права не только в Италии, но и во всей Европе. Римское право становилось могучим стимулом общественных перемен. Болонья стала великим светочем возрождающейся науки; оттуда Данте вынес любовь к точным выражениям и юридическим формулам и ненависть к церковному праву, которую он не раз выражал в своих произведениях. Но в Болонье изучалось не только гражданское, но и церковное право. Свое основное произведение «Декрет» Грациан написал в начале XII века в болонском монастыре Сан Феличе; таким образом, один из главных ревнителей модернизированного канонического права являлся современником первых цивилистов Болоньи. Данте ненавидел специалистов, изучавших папские декреты, и часто обрушивался на «декреталистов». В своем трактате «Монархия» Данте напал на тех болонских учителей канонического права, которые защищали абсолютную власть папы, как, например, Маттео д'Акваспраты. Во всех философских произведениях Данте, недоучившегося студента Болонского университета, так и не получившего ученой степени, чувствуется мышление юриста. Данте часто цитирует дигесты в «Пире» и в «Монархии», а цитату из глосс мы находим в «Новой Жизни», написанной вскоре после возвращения из университета. Многие выражения в стихах и прозе Данте представляют собою пересказы из юридических сочинений, которые он изучал в Болонье. Так, знаменитый стих «Ада» «Не госпожа народов, а кабак» является пародией на одну из попавших в глоссы поговорок. Сама его утопическая концепция империи и универсальной монархии была в значительной степени навеяна изучением римского права.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.